еще много худшими, чѣмъ въ школѣ. Молодое сердце не можетъ вынести всего этого моря зла, ненависти, угнетенія. Молодежь видитъ, какъ встаетъ на борьбу за свои кровныя права эксплуатируемый рабочій, какъ пытается дорваться до возможности дышать забитый крестьянинъ, какъ все общество безмолвно склоняется подъ сапогомъ безудержнаго произвола. Она не видитъ, чтобы кто-либо изъ старшаго поколѣнія шелъ на помощь къ лишенному свѣта и знанія рабочему, она не видитъ, чтобы общество, сознающее весь позоръ своего положенія, поднималось на борьбу за свою честь. И эта молодежь забываетъ всѣ свои мечты о научной подготовкѣ, машетъ съ болью въ сердцѣ рукою на долгій путь теоретическаго обоснованія выношенныхъ въ душѣ идеаловъ.

Она отдается борьбѣ, она несетъ свои малыя знанія тѣмъ, кто и вовсе ихъ не имѣетъ. „Тамъ, послѣ, въ тюрьмѣ и ссылкѣ мы займемся книгами, — теперь некогда!“ — вотъ формулировка настроенія лучшей части молодежи.

Но, чтобы такъ порѣшить безпокоющіе его вопросы, человѣкъ долженъ имѣть какую-нибудь увѣренность, хоть надежду на то, что, если онъ лично для себя и не вырѣшилъ всѣхъ вопросовъ „сѣрой теоріи“, — то все же сами-то эти вопросы хорошо выяснены. За это отвѣчаютъ теоретическіе вожди партіи, которые понимаютъ всю свою отвѣтственность. Если они такъ рѣшительно отвѣчаютъ на всѣ вопросы, если они излагаютъ стройную доктрину или просто увѣряютъ въ ея существованіи, то мы можемъ всецѣло отдаться борьбѣ, но, конечно, имѣя въ первыхъ рядахъ именно этихъ старыхъ, болѣе опытныхъ и ученыхъ товарищей.

И я понимаю, почему такъ ярко блестятъ глаза у увѣренной въ выработанности марксизма дѣвушки. Она еще наканунѣ увѣряла, что возмущена нетоварищескими пріемами борьбы тѣхъ, кого она считала своими вождями, но она думаетъ, что соціалисты-революціонеры вынимаютъ изъ-подъ ея ногъ твердую опору. Она останется висѣть въ воздухѣ, ей придется самой добиваться теоретической истины многими мѣсяцами усиленной научной работы. А жизнь не ждетъ.

Борьба все разгорается, манитъ къ себѣ, заставитъ въ скоромъ времени, можетъ-быть, голову сложить... И накипаетъ досада на соціалистовъ-революціонеровъ!..

Въ самомъ дѣлѣ, не лучше ли другое, болѣе практическое разрѣшеніе вопроса?

— Да, — сказалъ мнѣ членъ одной соціалъ-демократической организаціи, близкой въ теоретическомъ отношеніи къ „ортодоксіи“, — да, я отлично знаю, что марксизмъ подверженъ въ значительной мѣрѣ критикѣ, что его философская сторона слаба и т. д. Но время ли теперь заниматься критикой теоріи, которая такъ прекрасно обосновываетъ борьбу пролетаріата? Это нужно отложить до эпохи послѣ политической революціи...

Мнѣніе этого товарища, повидимому, имѣетъ много за себя, — только недостаточно логично продумано, не доведено до конца. Вѣдь именно послѣ политической революціи начнется серіозная борьба пролетаріата съ буржуазіей, и въ этой борьбѣ противъ вѣковой системы эксплуатаціи пролетаріатъ будетъ никакъ не меньше, а гораздо больше нуждаться въ помощи стройной теоріи. Время ли тогда будетъ заниматься ея критикой? Вѣдь именно поэтому же и осуждается современная „критика“ на Западѣ! Не лучше ли, не вѣрнѣе ли отложить критику до эпохи послѣ соціальной революціи?..

Хорошо тѣмъ, у кого *критика*, т.-е. сама сущность человѣческой мысли является складнымъ ножикомъ, которымъ можно при случаѣ рѣзать, но который можно и уложить спокойно въ карманъ. Но, къ несчастью или счастью, немногіе способны на эту столь простую операцію. Я отъ души преклоняюсь передъ тѣмъ, кто съ болью въ сердцѣ отрывается отъ книги, чтобъ схватиться голыми, почти дѣтскими руками за неумолимое колесо абсолютизма, чтобъ удержать ходъ этого все размалывающаго жернова.

Но мнѣ холодно отъ этого страннаго „практицизма“, который убиваетъ самую жажду мысли, этотъ источникъ нашего прогрессивнаго развитія и этотъ *залогъ нашей грядущей побѣды!*